

«Гностический либертинизм» и его критики

Е.В. Родин

Либертинизм был одним из главных аргументов в антигностической полемике первых веков н. э. Долгое время (вплоть до середины XX века) в исследовательской среде считалось хорошим тоном говорить о «гностическом либертинизме» как об одной из двух форм «гностической» нравственности. Такая позиция была зачастую конфессионально обусловлена и определялась относительной бедностью имевшихся в наличии «гностических» источников. На сегодняшний день все выглядит иначе: свидетельства ересиологов отходят на второй план, а приоритет отдается аутентичным «гностическим» текстам.

Под «гностическим либертинизмом» мы будем понимать примеры аморального поведения, сексуальную и прочую распущенность у ранних христиан, обычно называемых «гностиками». Следует отметить, что большинство «гностиков» называли себя христианами и могли с тем же правом, что и ортодоксальные христиане, претендовать на апостольскую преемственность. Вот несколько наиболее ярких примеров: Василид был слушателем ап. Матфея (Ипполит. Опровержение всех ересей. VII, 20, 1), Валентин был учеником ученика ап. Павла (Климент. Строматы. VII, 17, 106, 3 – 4), Маркион был главным систематизатором и «корректором» наследия ап. Павла (Ириней. Против ересей. I, 27, 2). «Гностики» могли оказаться самозванцами, а не христианами, если бы не одна важная деталь – раскол традиции и фактическое существование различных конкурирующих традиций внутри христианства (против раскола активно выступали христианские ересиологи, то есть признавали его существование *de facto*). Этот раскол, у истоков которого находился ап. Павел, привел к той самой антигностической полемике, в ходе которой всплыла проблема «гностического либертинизма». Но обо всем по порядку.

«Отцом всех ересей» с легкой руки Ириней Лионского был признан Симон Маг, который считался первым гностиком (протогностиком) и современником апостолов. Симон был одним из тех, кого ересиологи обвиняли в либертинизме, причем не только его, но и его последователей – «симониан» (Ириней. Против ересей. I, 23, 4), (Ипполит. Опровержение всех ересей. VI, 19, 5). Современный противник теории «гностического либертинизма» Michael Allen Williams в своей известной работе «Rethinking "Gnosticism": An Argument for Dismantling a Dubious Category» ставит под вопрос эти свидетельства в силу ряда причин. «Симониане» обвиняются в колдовстве, однако это могло быть всего лишь занятием медициной, как, например, у Плотина (Плотин. Эннеады. 2, 9, 12). Кроме того, «подтверждение» свидетельств либертинизма в гностическом тексте «Свидетельство Истины» (ННС IX, 3), в котором упоминаются «симониане» (58, 2 – 4), имеет поверхностный характер, поскольку текст очень плохо сохранился. Из текста становится ясно, что самое страшное обвинение против «симониан» заключается в том, что они берут жен и рожают детей. Все остальное отдано на откуп фантазии исследователей. В другом «гностическом» тексте под названием «Толкование о душе» (ННС II, 6) рассказана история о падении души (127, 18 – 129, 5) которая впервые встречается у Платона (Платон. Федр. 246a – 257b), а затем у Ириней в истории о Елене, спутнице Симона Мага (Ириней. Против ересей. I, 23, 3). В данном «гностическом» тексте (ННС II, 6) безнравственность строго осуждается, поэтому вполне возможно, что «симониане» понимали историю судьбы Елены тоже в антилибертинистском ключе. Таким образом, прямые подтверждения либертинизма среди «симониан» можно найти лишь у ересиологов.

Среди либертинистов ересиологи упоминают также неких «николаитов», «учеников» Николая. Но саму информацию ересиологи черпают из псевдоэпиграфического Откровения Иоанна Богослова (Откр. 2: 6, 12 – 15). По мнению М. Э. Поснова, «николаиты» берут свое название от Николая

Антиохийца (Деян. 6: 5). Епифаний изображает Николая учителем «николаитов» (Епифаний. Панарион. XXV, 2), Ипполит придерживается того же мнения (Ипполит. Опровержение всех ересей VII, 36). Иринея Лионский лишь кратко сообщает о «николаитах» (Против ересей. I, 26, 3), отмечая, что они являются учениками Николая, ведут развратный образ жизни и едят идоложертвенное. Климент Александрийский считает Николая аскетом, а «николаитов» – либертинистами, но тогда возникает вопрос: как «ученики» могли до такой степени исказить учение своего «учителя»? Скорее всего, это еще один типичный пример раннехристианской полемики, в ходе которой оппоненты обвиняли друг друга в либертинизме (такой же точки зрения придерживается еще один противник идеи «гностического либертинизма» Richard Valantasis). Характерно, что в гностических текстах о «николаитах» вообще ничего не говорится.

Теперь мы должны перейти к представителям сифианского гносиса, попадающих под критику ересиологов в связи с проблемой либертинизма. О сифианском гносисе стало известно после обнаружения библиотеки в Наг Хаммади. К представителям сифианского гносиса мы относим «каинитов», «сифиан», «карпократиан», «варвелиотов» и «египетских офитов». Ересиологи обычно рассматривали представителей сифианского гносиса в отрыве друг от друга, однако Епифаний Кипрский помещает их рядом (Епифаний. Панарион. XXVI, XXVII; XXXVIII, XXXIX) (эту важную деталь отметил Е. В. Афонасин). Современные ученые доказали правомерность тематического объединения данных гностических направлений в силу общности их идейных источников (John D. Turner рассматривает этот вопрос в работе «Ritual in Gnosticism»).

О «каинитах» сообщает Иринея Лионский (Иринея. Против ересей. I, 31, 1 – 2). Иринея обвиняет «каинитов» в разврате и утверждает, что они называют Творца словом «Истера» (то есть «Утроба»), а также упоминает о существовании у них некоего текста, который называется «Евангелие Иуды». Автор русского перевода «Евангелия Иуды» Дмитрий Алексеев отмечает, что в тексте отсутствует слово «Истера» (вместо этого слова упоминается «Ялдаваоф»), а единственным подтверждением слов Иринея является то место в тексте, где Сиф назван Христом и «царем бездны». Свидетельства Тертуллиана (Тертуллиан. Против всех ересей. 2) и Климента Александрийского (Климент. Строматы. VII, 17, 108, 1) заставляют усомниться в том, что эти ересиологи были знакомы с «каинитами» и читали «Евангелие Иуды». В «гностическом» «Евангелии Иуды» не идет речи о либертинизме, хотя сам текст признан подлинным. Кроме того, «каиниты» считаются авторами текста «Вознесение Павла» (Епифаний. Панарион. XXXVIII, 2, 5), который может соответствовать тексту «Апокалипсис Павла» (ННС V, 2) (эту идею высказали немецкие ученые Gerd Lüdemann и Martina Janßen). Очевидно, что ап. Павел повлиял на «каинитов» и на многих других «гностиков», а либертинизм мог сводиться (по крайней мере, в случае с «каинитами») к отрицанию ветхозаветного закона и проклятию Ялдаваофа.

«Сифиане» встречаются в работах многих ересиологов: (Тертуллиан. Против всех ересей. 2), (Ипполит. Опровержение всех ересей. V, 19 – 22, 1), (Епифаний. Панарион. XXXIX, 1, 3 – 5, 3). Сиф упоминается в различных текстах Наг Хаммади, среди которых к «сифианским» относятся следующие: «Евангелие от Египтян» (ННС IV, 2), «Апокалипсис Адама» (ННС V, 5), «Парафраз Сима» (ННС VII, 1), «Три стелы Сифа» (ННС VII, 5), «Зостриан» (ННС VIII, 1). Эти тексты соответствуют разным периодам развития учения «сифиан» – от дохристианского (ННС V, 5) и христианского (ННС IV, 2) до перехода к платонизму (ННС VII, 5), (ННС VIII, 1). Некоторые из этих текстов были известны христианским писателям. Ипполит в рассказе о сифианах ссылается на «Парафраз Сима» (Ипполит. Опровержение всех ересей. V, 22, 1). Одним из знатоков «сифиан» считал себя Епифаний Кипрский, который, по его словам, встречался с ними в Египте. Епифаний сообщает, что «сифиане» отождествляли Христа с Сифом и имели книги, написанные самим Сифом (возможно, речь идет о тексте «Парафраз Сима» (ННС VII, 1)), одна из книг называется «Аллоген» (одноименное произведение есть среди текстов Наг Хаммади (ННС XI, 3)). Мифология в «Аллогене», как и в других сифианских текстах, относится к так называемому барбело-гносису. Gerd Lüdemann и Martina Janßen считают, что «Парафраз Сима» (ННС VII, 1), несмотря на его хорошую сохранность, является самым сложным для понимания текстом, поэтому поспешная интерпретация сексуального символизма в этом тексте недопустима. С этим

мнением согласны и другие знатоки коптского языка. К сожалению, пока эти тексты не имеют однозначного толкования.

К либертинистам причисляют Карпократа и «карпократиан». Наиболее ценные свидетельства приводит Климент Александрийский, цитирующий «сына» (то есть ученика или последователя) Карпократа – Епифана (Климент. Строматы. III, 6 – 8, 3; 9, 3). Это отрывок из книги Епифана «О справедливости». Текст действительно является свидетельством либертинистской идеологии, поскольку в нем говорится о свободных сексуальных отношениях. Возможно, в данном случае следует говорить о либертинизме, хотя Ириной Лионский сомневается в либертинизме «карпократиан» (Ириной. Против ересей. I, 25, 5). В ситуации, когда один ересиолог противоречит другому, лучшим вариантом будет воздержаться от окончательной оценки нравственности «карпократиан».

Рассмотрим этос «варвелиотов» и «египетских офитов». Сведения о «варвелиотах» (или «борборитах») приводит Епифаний Кипрский, который сначала утверждает, что был очевидцем их либертинизма, а затем сознается, что догадался об этом из книг (Епифаний. Панарион XXVI, 17, 1 – 18, 6). Все грязные «борборитские» сведения, которые мы находим у Епифания, очень напоминают два свидетельства, встречающиеся в гностических текстах: «Пистис София» (IV, 147) и «Вторая Книга Иеу» (43, 1), авторство которых приписывается так называемым «египетским офитам». Сам факт, что сведения о «гностическом либертинизме» появляются сразу в двух «гностических» текстах, заставляет принять эти свидетельства всерьез. Другое дело – как их оценивать. Можно предположить, что все это лишь уродливая карикатура на таинство Евхаристии, а можно увидеть за жутким описанием реальные события и поступки людей. Для современных исследователей гностицизма эти два текста очень сложны, а потому нуждаются в дополнительном изучении.

Конечно, мы не упомянули о некоторых обвинениях «гностиков» в либертинизме, но все оставшиеся обвинения изначально противоречивы (например, когда ересиологи пытались обвинить в либертинизме Василида, Валентина и их последователей). Такие обвинения опровергаются другими ересиологами и не получают необходимого подтверждения. Существует также несколько тезисов, которые выдвигаются современными сторонниками теории «гностического либертинизма», когда у них исчерпываются аргументы в пользу своей теории. Тезис первый: аскетическая этика в кодексах Наг Хаммади определяется тем, что тексты специально подбирались в соответствии с этическими критериями. Этот тезис можно опровергнуть, указав на разнородный характер самих текстов, что становится очевидным при более внимательном их изучении. Тезис второй: либертинизм относится к эзотерическому учению, поэтому мы почти не находим подтверждения либертинизма в «гностических» текстах. Данный тезис опровергается тем, что сам по себе он ничего не доказывает, поскольку в таком случае мы вообще не смогли бы ничего сказать о либертинизме среди «гностиков». Тезис третий: об эзотерическом либертинизме сообщается в «гностических» текстах, но все это скрыто за символами. Если это так, то мы тем более не имеем права делать поспешные выводы о том, что скрывается за символами. Таким образом, нам удалось в самых общих чертах обозначить проблему «гностического либертинизма» и указать на возможные пути ее решения.

Подводя итог, хотелось бы поблагодарить всех тех, кто помогал нам в работе. В качестве научных консультантов в данном исследовании выступили: Е. В. Афонасин, Дмитрий Алексеев, John D. Turner, Richard Valantasis, Michael Allen Williams, Stephen Geroe, Emmanouela Grypeou. Без их конструктивной критики и добрых советов многие вопросы остались бы без ответа.